

СОБАЧЬИ НЕЖНОСТИ НА СЦЕНЕ «ШКОЛЫ ДРАМАТИЧЕСКОГО ИСКУССТВА»

ГРИГОРИЙ ЗАСЛАВСКИЙ

НЕДАВНИЙ ВЫПУСКНИК ГИТИСА, УЧЕНИК СЕРГЕЯ ЖЕНОВАЧА ГОША МНАЦАКАНОВ ВЫПУСТИЛ В ШДИ СВОЙ ПЕРВЫЙ СПЕКТАКЛЬ ВНЕ УЧЕБНЫХ СТЕН. О РЕЖИССЕРСКОМ ДЕБЮТЕ — В РЕЦЕНЗИИ «ДА».

Ольга Надеждина —
Оля / Продавщица

Алина Ходжеванова — Анна Сергеевна, Александр Антипенко — Бром Исаевич, Максим Маминаев — Дмитрий Гуров

«Собака с дамочкой» — именно так переворачивает название известного чеховского рассказа недавний выпускник гитисовской Мастерской Сергея Женовача Гоша Мнацаканов. Премьеру спектакля с таким названием в октябре сыграли в Тау-зале театра «Школа драматического искусства». До того — сегодня это стало то дурной, то хорошей обещающей неизбежностью — в театре состоялась режиссерская лаборатория, и вот теперь, не изменяя обещанию, данному молодым режиссерам, недавним выпускникам, «Школа драматического искусства» дает им возможность реализовать задуманное.

В названии — очевидная смена оптики: режиссер, в программке обозначенный еще и автором идеи, и композитором, меняет местами даму и собачку, передавая суффикс «со значением уменьшительности, обычно сопровождающейся экспрессией ласкательности» от одной к другой. При этом собачка в таком раскладе очевидно не только меняется с дамой местом, но и вырастает в размерах. Огромная, способная испугать своими

исполиными размерами черная собака Каштанка (Дмитрий Шишлянников), когда выходит на сцену, подчеркивает эту перемену еще сильнее, делает очевиднее.

НЕСМОТЯ НА ТУ НОВУЮ ДАННОСТЬ, ПРЕДЛАГАЕМУЮ В НАЗВАНИИ, ЭТА ИСТОРИЯ, ПЕРЕНЕСЕННАЯ В БОЛЕЕ БЛИЗКОЕ НАМ ВРЕМЯ, НЕ СТАНОВИТСЯ МЕЛЬЧЕ. ВСЕ ОЧЕВИДНЫЕ НЕЛЕПОСТИ, В ТОМ ЧИСЛЕ ЧЕХОВСКИЕ, ОСТАЮТСЯ КАК БЫ НЕТРОНУТЫМИ, ОДНАКО РЕЖИССЕР НЕ ПОДВЕРГАЕТ СОМНЕНИЮ ВОЗМОЖНОСТЬ ЧЕГО-ТО СЕРЬЕЗНОГО В ЖИЗНИ ВООБЩЕ И В ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ В ЧАСТНОСТИ.

Вероятно, не слишком доверяя фантазии зрителя и его способности мгновенно уловить авторский замысел, Гоша Мнацаканов помещает в программку (и на сайте театра) предуведомление, в котором выражает неудовлетворение местом, значением собачки в известном рассказе Чехова и даже больше — вниманием к собачке в литературе и искусстве вообще: «У меня возникает вопрос по поводу рассказа «Дама с собачкой», где в названии пристальное внимание уделяется собаке. Однако в самом рассказе ее роль мала, я бы даже сказал, что ее практически там нет. Почему? Разве собака не может любить? Или жизнь собаки совсем неинтересна? Может быть, у нее есть свои фантазии, свои страхи, свои сны? А может быть — у него? Что, если это вообще пес? Вдруг ему интересна история и культура России XIV–XVIII веков? Какой у него любимый художник: Дали? Пикассо? Рембрандт?..»

Неудивительно, что в спектакле собакам предоставлено больше места и большая свобода. Первые реплики отданы Бром Исаевичу (Александр Антипенко) — как известно, так Антон Павлович Чехов звал свою таксу. Через некоторое время Бром Исаевич представляет Каштанке и публике свой кинофильм, где подвергает ревизии творчество Веласкеса, Тургенева и других классиков отечественного и мирового искусства.

Алина Ходжеванова — Анна Сергеевна, Максим Маминаев — Гуров

Из уже сказанного может сложиться неверное впечатление, будто бы новый спектакль и рассказываемая в нем история принадлежат к ныне снова вошедшей в моду деконструкции, где Каштанка дружит или враждует с Муму, а дальше, как в стихах Евтушенко, «Чекист сибирский Лев Огrehов / вербует водной бедных греков. / И разбивается на части, / вооруженный до зубов, / внезапно выпрыгнув из пасти / рекламы пасты для зубов».

В спектакле Гоши Мнацаканова ничего похожего нет, а важные и большие роли Брома Исаевича и Каштанки не затмевают собой историю современных Гурова (Максим Маминов) и Анны Сергеевны (Алина Ходжеванова). Режиссер не выпускает их из виду, их сюжет не затерян во всеобщем карнавале других (чужих) героев и слов. Пожалуй, впервые молодой режиссер демонстрирует не способность к пересмешичеству, не радость посмеяться над теми, кто многие годы сопереживал то ли Гурову, то ли Анне Сергеевне, то ли им обоим, то ли тем персонажам, каких сыграли Алексей Баталов и Ия Саввина в советском фильме 60-летней (!) давности. Начав с шутивого предуведомления и выпуская на сцену первым именно Брома Исаевича, не теряя этой иронической интонации в «собачьих» разговорах и сценах, режиссер не упускает и серьезной, даже печальной и даже безвыходной истории, касающейся уже не собак, а... человечков. Несмотря на ту новую данность, предлагаемую в названии, эта история, перенесенная в более близкое нам время, не становится мельче. Все очевидные нелепости, в том числе чеховские, остаются как бы нетронутыми, однако режиссер не подвергает сомнению возможность чего-то серьезного в жизни вообще и в жизни людей в частности. Глядя на известный чеховский сюжет «собачьими глазами», Гоша Мнацаканов не видит его ни более мелким, ни менее значительным.

А разговоры о собачьих чувствах наши человеческие переживания делают, если можно так сказать, естественнее, понятнее.

Пока зрители рассаживаются, пока кто-то из них с недоверием, а кто-то с улыбкой вчитывается в слова режиссера про собак и людей, то есть пока не начался спектакль, есть время внимательно рассмотреть сцену, на которой в беспорядке (или в известном театру порядке) расставлены современные деревянные лежаки, выкрашенные белой краской, на одном из которых лежит огромный — в человеческий рост — кукурузный початок, другой занял арбуз-гигант с уже вырезанным гигантским же сочным красным кусищем — вырезанным, но не вынутым. Ближе к концу спектакля на сцене появится еще и гигантская креветка, которая кажется отсылкой не только к обстоятельствам смерти Чехова, но и к спектаклю Дмитрия Крымова «Тарарабумбия», посвященному тому же Чехову и шедшему здесь, в «Школе драматического искусства», правда, на другой сцене. Нынешний же Гуров, Максим Маминов, как раз в нем и играл.

Режиссер называет свой спектакль «сюрреалистической историей <...> под впечатлением от прочтения любовных историй из рассказов Чехова». Сюрреализм этот, впрочем, исчерпывается несколькими репродукциями картин Сальвадора Дали в уже упомянутом «собачьем» фильме да кукурузиной с арбузом и креветкой. Все остальное — на редкость реально, как в жизни бывает. Всерьез, но без надрыва, а (воспользуемся образом, понятным любой собаке) как бы помахивая хвостом. И собаки любить умеют — эта мысль, пронесенная через спектакль, не отрицает, слава богу, истории Гурова и Анны Сергеевны.

Сцена из спектакля

Фото Наталии Чебан